

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

**ЖИТИЯ
ИОАСАФА КАМЕНСКОГО,
АЛЕКСАНДРА КУШТСКОГО
И ЕВФИМИЯ СЯНЖЕМСКОГО**

Тексты и словоуказатель

Под редакцией А. С. Герда

1423055

Издательство С.-Петербургского университета
2007

ВОЛОГОДСКИЕ ЖИТИЯ «ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Группа вологодских житий отличается удивительной текстуальной связанностью, что уже приходилось отмечать неоднократно¹. В основании этой текстологической традиции лежат Житие Дмитрия Прилуцкого и Житие Дионисия Глушицкого, все остальные восходят к ним непосредственно или опосредованно². Два из публикуемых в настоящем издании житий – Житие Александра Куштского и Житие Александра Сянжемского – относятся к ветви Жития Дионисия Глушицкого. Житие Иоасафа Каменского соединяет в себе обе традиции – и традицию Жития Дмитрия Прилуцкого, и традицию Жития Дионисия Глушицкого, являясь при этом, пожалуй, самым нетипичным из всех вологодских житий.

Житие Иоасафа Каменского, известное в настоящее время в 20 списках, наиболее ранние из которых относятся к середине XVII в.³,

---

¹ *Семячко С. А.* 1) Из истории вологодской агиографии (жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского) // Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского: Тексты и словоуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003. С. 11–68; 2) Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Ред. кол.: Т. Р. Руди, С. А. Семячко (отв. ред.). СПб., 2005. С. 122–142.

² Общую текстологическую стемму вологодских житий см.: *Семячко С. А.* Проблемы изучения региональных агиографических традиций. С. 142. [В стемме допущена опечатка: пропущена стрелка от кружка 3 (Житие Дмитрия Прилуцкого) к кружку 6 (Житие Корнилия Комельского).]

³ 19 списков указано в работе Г. М. Прохорова (см.: *Прохоров Г. М.* Житие Иоасафа Каменского // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 53), к этому перечню следует добавить лишь список ГИМ, Музейское собр., № 1510 первой половины XVIII в.

исследователи тем не менее датировали значительно более ранним временем. И. Некрасов и Н. П. Барсуков относили его к концу XV в.¹ Основанием для подобной датировки может быть дата, указанная в Житии как дата его написания – 1477 г. Однако этому противоречит датировка источников Жития. В. О. Ключевский полагал, что оно появилось «не раньше 1547 года: приложенные к жизнеописанию предисловие и похвальное слово буквально выписаны из Василиевой биографии Евфросина»². Г. М. Прохоров датировал его второй половиной 40-х годов XVI в., связывая его создание с канонизационной деятельностью митрополита Макария и составлением Великих Миней Четьих³. Более точных оснований для датировки Жития пока не найдено. Таким образом, нижняя ее граница устанавливается по самому позднему из использованных автором Жития Иоасафа Каменского источников – Житию Евфросина Псковского в редакции Василия-Варлаама, верхняя – по времени создания наиболее ранних списков.

Вопрос об источниках Жития Иоасафа Каменского также не представляется окончательно разрешенным, несмотря на то что таких источников найдено немало. Итоги источниковедческого изучения Жития Иоасафа Каменского выглядят следующим образом: «В научной литературе (Н. Коноплев, Н. П. Барсуков, А. Кадлубовский) отмечалась зависимость данного Ж[ития] от Сказания о Спасо-Каменном монастыре Паисия Ярославова и от агиографических памятников (житий Евфросина Псковского, Макария Калязинского, Стефана Махрищского, Феодора Ярославского и др.)»⁴. Несмотря на обилие имен и названий памятников, по-прежнему остается открытым вопрос об объеме и характере заимствования.

Обращение к фрагментам, заимствованным из Жития Евфросина Псковского, показало, что через их посредство в Житие Иоасафа Каменского были перенесены фрагменты Житий Димитрия Прилуцкого и

---

¹ Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса, 1870. Ч. 1. С. 42–43; Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 36–37.

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 275 (репринт: М., 1988).

³ Прохоров Г. М. Житие Иоасафа Каменского. С. 45.

⁴ Белоброва О. А. Житие Иоасафа Каменского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1: А–К. С. 269. – Это же было повторено и Г. М. Прохоровым (Прохоров Г. М. Житие Иоасафа Каменского. С. 47).

Дионисия Глушицкого¹. Благодаря такому заимствованию Житие Иоасафа Каменского, относясь к вологодской агиографии по месту подвига святого, но не по месту создания жития², тем не менее удачно вписалось в вологодскую агиографическую традицию. Читатель этой книги легко обнаружит общие места в Житиях Иоасафа Каменского и Александра Куштского. Однако появились они вовсе не в результате принадлежности этих текстов к одному ареалу или ориентации их авторов на одни и те же образцы: в Житие Александра Куштского этот фрагмент попал непосредственно из Жития Дионисия Глушицкого в результате сознательной ориентации автора Жития Александра на Житие Дионисия как на идеальный образец, в то время как в Житии Иоасафа Каменского он оказался случайно, внутри большого куска текста, перенесенного из Жития Евфросина Псковского, принадлежащего к совсем иной агиографической традиции.

С заимствованиями из Жития Феодора Смоленского и Ярославского тоже не так все просто, как, может быть, казалось раньше. На этот источник, как и на предыдущий, указал еще В. О. Ключевский, оценивая степень достоверности Жития Иоасафа Каменского: «Посмертные чудеса внушают подозрение: по крайней мере одно из них, исцеление кн. Романа, племянника кн. Иосифа Дорогобужского, выписано из жития кн. Феодора Ярославского»³. Однако даже самое поверхностное сопоставление текстов показывает, что объем заимствования гораздо больше: из Жития Феодора Смоленского и Ярославского заимствовано не только «Чюдо 2. О юноши-князе Романе»⁴ (ср. с чудом 6 «О разслабленном мужи» Жития Феодора Смоленского и Ярославского⁵), но и как минимум два соседние чуда – «Чюдо 1. О нѣкоемъ человекѣ Тимофѣе»⁶ (ср. с чудом 5 «О болящем трясовицею» Жития Феодора Смо-

¹ См. об этом подробнее: *Семячко С. А.* Проблемы изучения региональных агиографических традиций... С. 139–142.

² О принципах отнесения того или иного памятника к территориальной агиографической группе см.: Там же. С. 122–125.

³ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 275–276.

⁴ Текст его см.: *Прохоров Г. М.* Житие Иоасафа Каменского. С. 68–69.

⁵ РГБ, Ф. 304Л (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 790. Л. 180–182 об. – Текст этого списка передает Редакцию иеромонаха Антония (указан в: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 302).

⁶ См.: *Прохоров Г. М.* Житие Иоасафа Каменского. С. 68.

ленского и Ярославского¹) и третье «Чюдо о женѣ»² (ср. с чудом 8 «О женѣ слѣпой» Жития Феодора Смоленского и Ярославского³). Кстати, автор Жития Феодора Смоленского и Ярославского, описывая эти чудеса, ориентировался, в свою очередь, на Житие митрополита Алексия⁴.

Исследователи, выделявшие заимствованные элементы в тексте Жития Иоасафа Каменского, как правило, весьма невысоко оценивали его оригинальное содержание, при этом случались курьезы. В качестве примера приведу одно замечание Н. Коноплева: «Здесь также часто приходится встречаться с более или менее обширными выдержками из жития Макария Калязинского, Стефана Махрищского и других. Эти выписки чередуются в житии с сказаниями следующего содержания: (св. Иоасаф) “великий подвигоположник бысть... поминая молитву св. Иоанна Златоустаго, въ ней же писа сице: аще кто сию молитву глаголетъ, яко изъ нозри дыхания по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христось Сынъ Божий, по другомъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святой, по третьемъ лѣтѣ вселится въ него Отець Небесный и вшедь въ его обитель въ немъ сотворить св. Троица и пожретъ молитва сердце и сердце пожретъ молитву и начнетъ клицати безпрестани день и ночь и будетъ свободенъ всѣхъ сѣтей вражиихъ”»⁵. В сносках к имени Макария Калязинского и Стефана Махрищского исследователь указал фрагменты, заимствованные из житий этих святых, а следующая за этим выписка из Жития Иоасафа Каменского, вероятно, должна была служить свидетельством неумелости и высокопарности автора Жития. Курьезность же этой ситуации в том, что приведенный Н. Коноплевым фрагмент также является заимствованием. Этот фрагмент (границы его несколько шире приведенного у Н. Коноплева) извлечен из памятника, широко распространенного на Руси, – «Молитва къ Господу Богу нашему Иисусу Христу, Иоанна Златоустаго моление» (Нач.: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго. Аще кто сию мо-

¹ РГБ, Ф. 304/1 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 790. Л. 178 об.–179.

² См.: Прохоров Г. М. Житие Иоасафа Каменского. С. 70.

³ РГБ, Ф. 304/1 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 790. Л. 182 об.–183.

⁴ Кloss Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 293.

⁵ Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4 (175). С. 58.

литву, требуя ея, глаголетъ, яко из ноздри дыханиа...»)¹. А. С. Орлов указал на наличие этого текста в Домострое и в семи рукописях начала XVI – начала XVII в.² Вошла эта статья и в состав «Цветника священноинкоа Дорофея». В связи с этим возникла интересная ситуация. Епископ Игнатий (Брянчанинов) на основании этого фрагмента из Жития Иоасафа Каменского, принимая во внимание, что Цветник был создан в эпоху патриаршества на Руси, так определял время его создания: «По этой книге... обучился Иисусовой молитве преподобный Иоасаф Каменский, Вологодский чудотворец, как видно из рукописного жития его. Последнее обстоятельство показывает, что священноиннок жил во времена первых Патриархов и достиг смут отечественных, как об этом можно заключать по кратким указаниям на современность, встречающимся в его книге»³. У нас нет пока никаких оснований датировать возникновение «Цветника священноинкоа Дорофея» временем ранее XVII в. В Житие же Иоасафа Каменского указанный фрагмент попал не из Цветника, а из какого-то более раннего сборника, так как в Цветнике этот текст в заголовке не содержит указания на Иоанна Златоуста, в то время как в Житии Иоасафа и в заголовках этого текста в сборниках непостоянного состава имя византийского проповедника присутствует.

Совершенно очевидно, что вопрос об источниках Жития Иоасафа Каменского, несмотря на многочисленность обращений к нему, еще ждет своего исследователя.

Точно так же своего исследователя ждет и вопрос об авторе Жития.

Автор Жития Иоасафа Каменского указал свое имя в тексте Жития, тщательно зашифровав его: «И аще хощещи списателево имя увѣдети и ты начатай сице и глаголи: четверицею по пяторице, и еще по пяторице, и тогда обрящещи единъ без числа, и паки шестерицею по пяторице, и еще шестерицею по пяторице, и паки четьверицею по пяторице, и тогда обрящещи з десятирицею и вторую десятирицу, и тогда об-

---

¹ Цит. по списку: ГИМ, Синод. собр., № 322. Л. 128 об. (см.: Орлов А. С. Иисусова молитва на Руси в XVI веке. СПб., 1914. С. 9).

² Орлов А. С. Иисусова молитва... С. 8–9.

³ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М., 2001. Т. 1. С. 411. Примеч. 1 (Очерк «Посещение Валаамского монастыря»).

рящеши с сотицею накончеваем ерь — то списателево имя»¹. Попытки расшифровать эту запись к успеху не привели. Перед нами описательная цифровая система². Такие системы были хорошо известны на Руси и достаточно широко распространены. Смысл подобной тайнописи заключался, как правило, в следующем: с указанными цифрами нужно было производить некие арифметические действия, в полученный результат вместо цифр подставлять буквы и таким образом получать зашифрованное слово. Трудности с расшифровкой тайнописи в Житии Иоасафа Каменского могут быть вызваны двумя причинами: 1) полученное в результате подсчетов слово не является окончательным и с ним необходимо произвести еще какие-то манипуляции; 2) в результате долгого бытования текста Жития (а мы имеем дело отнюдь не с первоначальным его текстом) шифрованный текст «испортился». Эта порча текста (если она имела место) может быть устранена в результате текстологической работы, хотя и в данном случае нельзя гарантировать результата³.

Историю текста Жития Иоасафа Каменского также нельзя считать окончательно проясненной. В итоговой на настоящий момент работе о Житии преподобного Иоасафа истории его текста уделено лишь одно предложение: «Насколько мы можем судить, различий, позволяющих говорить о разных редакциях, Житие Иоасафа в списках не имеет»⁴. Это утверждение справедливо лишь отчасти. С одной стороны, устойчивость текста Жития весьма велика. Отчасти, вероятно, это обусловлено бытованием Жития внутри довольно жесткой структуры, образуемой Службой Иоасафу Каменскому и Сказанием Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре, которые составляют постоянный конвой Жития. Это позволило Г. М. Прохорову предположить:

---

¹ Эта запись по тому же списку воспроизведена Н. Коноплевым (*Коноплев Н.* Святые Вологодского края. С. 57. Примеч. 26) и, с ошибкой, Г. М. Прохоровым (*Прохоров Г. М.* Житие Иоасафа Каменского. С. 45).

² О различных вариантах такого рода систем см.: *Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. С. 113–124 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.3).

³ С такой порчей зашифрованного текста мы сталкиваемся в Житии Дионисия Глушицкого (кстати, «портится» зашифрованный текст особенно легко, поскольку переписчики могут вовсе не понимать его смысла), и, хотя ключ к расшифровке его был найден, одно слово так и осталось непрочитанным (см. об этом: *Семячко С. А.* Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера... С. 87–90).

⁴ *Прохоров Г. М.* Житие Иоасафа Каменского. С. 53.

«Сборник такого содержания распространялся, очевидно, из Спасо-Каменного монастыря и явно способствовал тому, что этот монастырь стали называть “святою обителью всемилостивого Спаса и преподобного отца Иоасафа”»¹. С другой стороны, никто никогда не ставил вопроса о стилистических редакциях Жития. Существование внутри жесткой структуры не дает свободы для композиционных перестановок, непосредственное соседство со своим источником (каковым для Жития является Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре) не дает возможности редактировать фактическую составляющую, однако все это не мешает перерабатывать текст стилистически. И этот вопрос ждет своего разрешения.

Текст Жития Иоасафа Каменского издается в третий раз по одному и тому же списку², тем не менее новое издание оказывается весьма актуальным, не только потому, что исправляет некоторые ошибки предыдущего, но и потому, что сопровождающий его словарь дает прекрасную возможность для поиска источников этого абсолютно компилятивного памятника.

Анализируя Житие Александра Куштского, также постоянно приходится говорить о вторичности. Однако это вторичность иного рода, нежели в случае с Житием Иоасафа Каменского.

Житие Александра Куштского, как это было установлено еще В. О. Ключевским, было создано во времена Ивана Грозного, где-то около 1575 г. У В. О. Ключевского были основания для подобного утверждения. Он писал, что этот вывод можно сделать «по неясному намеку в похвальном слове» («...прародителя благовѣрнѣйшаго и вышшаго царя и государя Иоанна Василиевича, самодержьца всея Русии, великий князь киевский Владимиръ...»³) и основываясь на датировке 1575-м г. чуда, которым оканчивается целый ряд списков⁴. В. О. Ключевский же указал и основные источники Жития Александра – Сказание о Спасо-Каменном монастыре Паисия Ярославова и

¹ Там же. С. 51–52.

² Прохоров Г. М. 1) Житие Иоасафа Каменского // Книжные центры Древней Руси: севернорусские монастыри / Под ред. С. А. Семячко. СПб., 2001. С. 330–348; 2) Житие Иоасафа Каменского // Святые подвижники и обители Русского Севера... С. 54–76.

³ Здесь и далее Житие Александра Куштского цит. по: Семячко С. А. Житие Александра Куштского // Святые подвижники и обители Русского Севера... С. 261–278.

⁴ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых... С. 300.

Житие Дионисия Глушицкого. Исследователь обратил внимание и на характер работы автора Жития с этими источниками: если из Сказания Паисия Ярославова агиограф выбирает в основном фактические данные, то Житие Дионисия Глушицкого он использует по сути как литературную модель («В изложении он старался подражать житию Дионисия Глушицкого, откуда почти дословно выписал предисловие»¹).

В чем выразилось это подражание Житию Дионисия? Во-первых, автор Жития Александра Куштского не только заимствует структуру текста Жития Дионисия Глушицкого (предисловие, основная часть, похвальное слово), что, впрочем, довольно традиционно, но и деление Жития на главки, а также порядок следования эпизодов основной части. Во-вторых, следует отметить буквальное совпадение отдельных эпизодов, возникающее не за счет общих мест агиографии, а как результат непосредственного заимствования. Наиболее яркий пример такого заимствования – вступление к Житию².

Житие Дионисия Глушицкого	Житие Александра Куштского
се во ннѣ ѓ се влѣженѣ свѣтлыи оучѣтѣ, слѣвныи павѣ вѣпїѣ. и хъ жїе на нбсе є. наслажаѣ чювѣство, безвещны нена сѣтна. и невидима довротою видѣ. аки разжмнѣ, разжмѣ и оумѣ тѣчїю. рѣв асѣ ₂ достѣннаѣ потвѣ ₃	сеі оуво влѣженнн, ѓ немѣ вѣгогланн свѣтлыи оучитель слѣвныи павелѣ вопїетѣ, и хъ же жїтїѣ на нбсѣхъ єсть. наслаж дѣѣса чювѣства, безвѣщны нена сѣтнаго, и невидимаго довротою видѣвѣ аки раз мна раз момѣ, тѣчїю рѣдѣ сѣ ₂ достѣннаѣ по тевѣ ₃ , наше єсть оудоврїти слѣво [кѣ] сказанїю, прїемѣ вѣданїѣ трѣдѣвѣ.
прїѣ, вѣданїѣ трѣдѣвѣ, вѣтрѣдѣнїю пѣчѣ. ѣ тѣмо прїстїѣ прїѣ. и прїно сѣ тѣвми ₅ сѣ, и хъ ногѣ стѣ на правѣтѣ. но ѓвѣ оуѣне в трѣвнѣхъ тѣ потвѣ, на доврїти слѣв. сказаюшее, вѣговѣство, и нѣное жїѣ, ѓ се влѣженѣ.	и прїно тѣвми ₅ сѣи и хъ же ногѣ стѣ на правѣтѣ. но вѣвѣче оуѣне в трѣдѣвѣннхъ тѣхъ потѣвѣ. наше єсть. оудоврїти слѣво сказаюшее, вѣговѣвннѣство. и нѣное жїтїѣ. ѣ сѣмѣ влѣженнѣ.
їако да навѣкнѣ извѣстнѣ. вкѣдѣ сїи	їако да навѣкнѣмѣ извѣстнѣ вкѣдѣ сїи

¹ Там же.

² Ошибочные чтения в Житии Александра Куштского (АК) в правом столбце, выделенные нижними индексами и размером кегля, легко объясняются при сравнении с текстом Жития Дионисия Глушицкого (ДГ) в левом столбце. Фрагмент текста 4-4 в предисловии к АК ошибочно повторен дважды, поскольку предшествующее ему слово потѣ дважды встречается в исходном тексте. Пропуск фрагмента 9-9 в АК обусловлен наличием в ДГ двух одинаковых слов рвение/рвению (гомоителевтон). Фрагмент 10-10 является сознательной переделкой исходного текста ДГ автором АК. Фрагмент 14-14 в ДГ – зашифрованное имя автора (*Иринарх диакон*) – естественно, пропущен в АК.

таковыи свѣтиани въса. еда Ѡ
ієрлма, или Ѡ синлаа. ѿ
врѣ. Но₈ просіа в наши родѣ таковы
свѣтиани. сего ра ѿ повигохъ на рвеніе
вбголювно| въставити. да то
рвенію₉

сами себе приведете. ѿ прьвде
помышляюци, неправно могуща|
поблж слышачы створити, сіе
млъчаниѣ| потанити. но да не и мы
впаде въ оскженіе рава оного,
погрѣша в земли талантъ. се ра ѿ а|
Ѡ преслшаниа смръти воахса. всады
писати| попекуса, елико постиго іаже
о не. трды ѣ и хоженіа. ѣ наоуче
вы Ѡ шцъ мой.

10^й мнѡга лѣта жи|вшы съ стѣ.
глю же амфилохѣа, и дрѡгаго|
макаріа, и миханла₁₀.
и сж видѣли стго извѣстно.

и паче свѣтелствующы самѣ чюдѣ|
Ѡ грова стго. ино же и свойма ѡчима
видѣ^{хъ}.| вываюша чюдеса, и ѡдивихса.
и помочи оубо вжѣа проса. и на
млтвѡ стго надрѣахса. дрѡнжъ писати
елика слышашъ. іако да не забвено
вждѣ житіе стго. еже ѡврѣтохъ
истиннаго. и немате|жнаго поути
шествіа. рѣше по| вжтвены писани
окормити житіе свое. рѣ вѡ гъ
люваѣ ма, в законѣ| пооучитса днь
нѡ. влженъ чѣкъ| иже ѡврѣще¹¹
премдрѣть. семѣ пжти мало стѣ оцъ
оученіе. томоу воу| послоу дхъ,
стѣи. и наоучивый пре|писати₁₂
дшеполезнаа оученіа стѣ шцъ.
испытайте рѣ гъ писаніа іакъ в тѣ,
имате ѡврѣсти жизнь вѣчнѡю. в
ниже| ськровень снъ вжѣи, истиннаа
моу|дрѡ ѡчла. егѡ ѡврѣще влженъ
воудѣ. азъ же глю, оуіасни ми азъ
спсе мой. и разшири оуста моа и
наполнѣ а. даи же ми глади повнаа,
и творити полезнаа иже мнѣ
окаанномѡ по ней|гланномѡ ти

таковыи свѣтианикѣ восіа. еда Ѡ
єросалима или Ѡ сиона₇, ѿ
речено₈ в наши родѣ просіа| таковыи
свѣтианикѣ. сего| ради спѡвигохса на
рвеніе

самѣ севѣ приведете. но прьвое оу|во
помышляющю неправено.| могуща блзы
слышачы| створити сіе млчаниемъ
погтайти, но да и мы не впадемъ| во
ѡсѡжденіе, ѡного рава погрѣшаго в
земли талантъ. сего ради и азъ Ѡ
преслшаниа. || смѣрти оубоахса всачески
писати| попекохса елико постигнѡти
[могѡ]. иже ѡ немъ трды| егѡ и
хоженіа, еже наоученъ ѡто ѡтцъ мойхъ.
10^й иже слы|ша ѡто оучникъ егѡ
мно|жайшаа ѡ стѣмъ. глаголю же|
саватин, а дрѡгій симеѡнъ₁₀.
иже видѣ^{хъ} стѣаго извѣстнѡ.

како трдѣса

и паче же свидѣ|тельствующи самѣ
чюдесѣ| Ѡ грова стѣаго. ино же и свойма
ѡчима видѣ^{хъ} вываюша| чюдеса
оудивихса. и помочи оубо вжѣа проса, и
на млтвѡ| стѣаго надрѣахса дерзидъ писати
елико слышѣ. іако да неза|бвено вѡдетъ
житіе стѣаго. || иже ѡврѣто истинна и
нема|тежнаго пѡти шествіа. рѣше по
вжественны писаніи, |

окормити житіе свое. рече| во гдѣ люваѣ
ма в законѣ. | пооучитса днь и нощъ
влжѣнъ чѣвкъ| иже ѡврѣте¹¹
прем|дрость. семѡ же пѡти начало| стѣ
ѡтцъ оученіе, томѡ же| вѡди послѡхъ
дхъ стѣи, наоучивый прописати₁₂
дшепо|лезнаа пооученіа стѣ шцъ.
пытайте рече писаніа. іако в тѣ имате
ѡврѣсти жизнь вѣчнѡю. в ниѡже
сокровенъ снъ вжѣи истинна мѡдро|сть ѡча
егѡже ѡврѣще влжѣнъ вѡде. азъ же
глаголю оу|сенѣ ми іазыкъ
спсе мой и разшири оуста моа, и
наполнѣ а даждѣ ми глаголати подобна. |
и творити полезнаа. мнѣ|
ѡкаанномѡ. по неизглаголанномѡ ти

Недолгая, но весьма путаная история изучения Жития Александра Куштского¹ завершилась его текстологическим исследованием и публикацией всей выявленных редакций его текста². Изложу коротко его результаты.

Не оспаривая выводы В. О. Ключевского относительно времени создания Жития, отмечу, что мы не располагаем списками старше XVII в. Поэтому особого внимания заслуживает вопрос о сохранности первоначального текста Жития. Девятнадцать известных списков передают три полные, две проложные, одну месяцесловную редакции текста и известную в единственном списке переработку текста XIX в.

Полные редакции Жития Александра Куштского представлены тремя группами текстов, на которые они подразделяются в зависимости от того, есть в тексте эпизод, рассказывающий о приходе святого Александра на Сянжему и обмене пустынями с преподобным Евфимием, или нет, есть в них чудо 7107 г. или нет, каково композиционное членение текста и как пронумерованы чудеса.

Первая разновидность текста, условно называемая мною Редакцией А, не содержит эпизода с рассказом о приходе преподобного Александра на Сянжему, не имеет нумерации прижизненных чудес, не включает чуда 7107 г. Общее число пронумерованных чудес в этой редакции – 20. Эта разновидность текста Жития Александра Куштского представлена наибольшим количеством списков:

- 1) Архив СПбИИ РАН, Ф. 238 (колл. Н. П. Лихачева), № 162;
- 2) БАН, Архангельское собр., Д. 235 (публикуемый в настоящем издании);
- 3) ГИМ, Единоверческое собр., № 219;
- 4) ГИМ, собр. Уварова, № 107-1°;
- 5) ГИМ, собр. Уварова, № 420-4°;
- 6) ГИМ, собр. Уварова, № 528-4°;
- 7) ГИМ, собр. Уварова, № 843-4°;
- 8) ЯМЗ, № 14945.

---

¹ Кроме В. О. Ключевского в изучении Жития приняли участие Н. Коноплев (*Коноплев Н. Святые Вологодского края. С. 53–56*) и Г. М. Прохоров (*Прохоров Г. М. Житие Александра Куштского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1: А–К. С. 241–243*).

² Семьячко С. А. Житие Александра Куштского. С. 234–298.

Другая редакция, условно называемая Редакцией В, единственная содержит рассказ о приходе Александра на Сянжему и о его встрече с преподобным Евфимием. В ней, как и в Редакции А, нет нумерации прижизненных чудес и чуда 7107 г. Таким образом, в этой редакции также 20 пронумерованных чудес. И хотя эта разновидность текста полностью дошла до нас в одном списке – РНБ, собр. Титова, № 3713, можно предположить, что он не был единственным и редакция получила некоторое распространение: сокращенный вариант ее (без вступления и предисловия) сохранился в позднем списке РНБ, F.I.774, и именно к этой редакции восходит публикуемое в этой книге Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского.

Третья разновидность текста, сохранившаяся в составе Тулуповской минеи (июньский том – РГБ, Ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 677), не упоминает о приходе преподобного Александра на Сянжему. От других редакций она отличается тем, что в ней четыре прижизненных чуда святого выделены в самостоятельные главки в составе основного текста Жития и пронумерованы. А поскольку она к тому же зафиксировала чудо 7107 г., общее число пронумерованных чудес в ней достигает 25. Поскольку нет никаких свидетельств о существовании этой редакции до Тулуповской минеи, мы можем назвать ее Тулуповской.

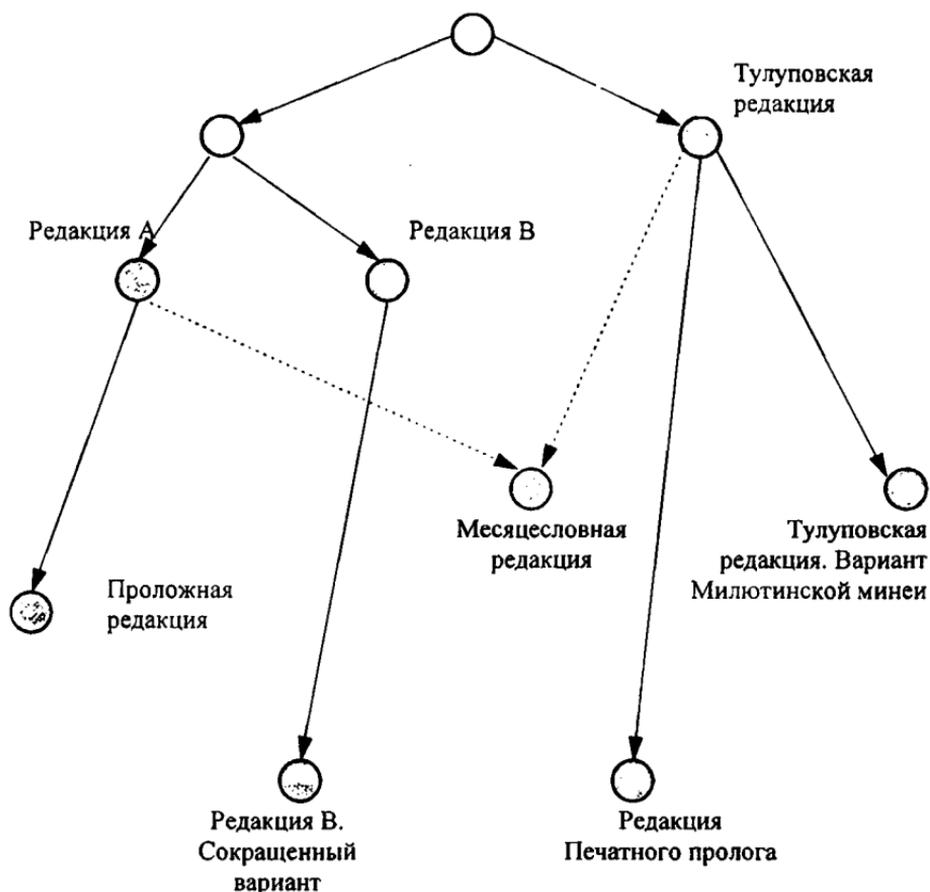
Минеи четьи Германа Тулупова послужили источником для Минеи четьих Иоанна Милютина¹, и Житие Александра Куштского в составе Милютинской минеи (июньский том – ГИМ, Синодальное собр., № 806) читается в Тулуповской редакции, но утрачивает при этом предисловие и похвальное слово. Этот вариант текста будем называть Тулуповской редакцией в варианте Милютинской минеи. Житие Александра Куштского из Милютинской минеи было скопировано в 1859 г. В. М. Ундольским. Эта копия сохранилась в рукописи РГБ, Ф. 310 (собр. Ундольского), № 1105.

Взаимоотношения названных редакций и их отношение к первоначальному тексту можно установить при сравнении с текстом источников Жития Александра Куштского – Основной редакции Жития Дио-

---

¹ См.: *Понырко Н.В.* Иоанн Иванов Милютин // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2: И–О. С. 65–69.

нисия Глушицкого¹ и Сказания Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре. Учитывая проведенное сопоставление², можно выстроить следующую стемму:

Три основные редакции (А, В и Тулуповская) в разной степени сохранили элементы первоначального текста независимо друг от друга, причем Тулуповская редакция сохраняет более непосредственную связь с архетипом. Наличие общего протографа у Редакций А и В позволяет предположить их общее (вторичное) чтение «от Сиона» во вступлении в противовес чтению «от Синая» в Тулуповской редакции и

¹ О наименовании редакций Жития Дионисия Глушицкого и их взаимоотношении см.: Семячко С. А. Житие Дионисия Глушицкого.

² Подробно см.: Семячко С. А. Житие Александра Куштского.

первоначальном тексте¹. Характер взаимоотношения текстов показывает, что в первоначальном тексте не было эпизода, рассказывающего о приходе Александра Куштского на Сянжему и об обмене пустынями с преподобным Евфимием. Он появился лишь в Редакции В.

Теперь обратим внимание на последние чудеса каждой редакции.

Редакция А	Редакция В	Тулуповская редакция
Чудо 18. О исцелевшем муже.	Чудо 22. О исцелевшем муже.	Чудо 22. О исцелевшем муже.
Чудо 19 – 7083 г.	Чудо 19 – 7080 г.	Чудо 23 – 7083 г.
Чудо 20 – 7081 г.	Чудо 20 – 7181 г.	Чудо 24 – 7081 г. Чудо 25 – 7107 г.

Общее количество чудес всех трех редакций – 20 (24). Можно предположить, что все эти чудеса были уже в первоначальном тексте. Однако следует отметить, что записи этих чудес вряд ли были сделаны одним человеком. Скорее всего, два последних чуда были приписаны кем-то другим, так как все предыдущие чудеса не имеют точных дат и вообще каких-либо хронологических привязок. Это дополнение первоначального текста, вероятно, было сделано в 1575 г. или чуть позже. Первоначальный же текст был написан незадолго перед этим, так как в Похвальном слове, так же как и в чуде 1575 г., упоминается Иван Грозный. Датировка 20-го чуда в Редакции В скорее всего вызвана опиской, а датировка 19-го – желанием исправить хронологическую неувязку первоначального текста, в котором чудо 7083 г. было записано перед чудом 7081 г.

Основой для датировки Тулуповской редакции может служить время создания самой Тулуповской minei², поскольку следов доминантного существования этой редакции нет. Редакция А могла появиться в конце XVI – начале XVII в., а Редакция В – вряд ли раньше начала XVIII в. (но до 1747 г., времени создания восходящего к ней Жития Александра Куштского и Евфимия Сянжемского).

Что касается проложных редакций, то обе они независимо друг от друга восходят к Редакции А или Тулуповской редакции, так как не со-

¹ См. об этом подробнее: Там же. С. 238.

² Над Четырми Mineями Герман Тулупов работал с 1627 по 1632 г. (см.: *Поньрко Н. В. Герман (в миру Георгий Тулупов) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1: А–З. С. 197.*

держат никаких упоминаний о приходе на Сянжему и не совпадают друг с другом в отборе эпизодов. Таково же происхождение и Месяцесловной редакции.

В настоящем издании Житие Александра Куштского публикуется по списку наиболее ранней из дошедших до нас редакций.

Совместное Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского относится к числу новооткрытых памятников. Оно стало известно благодаря рукописи, подаренной Г. М. Прохоровым в 1999 г. Древлехранилищу Пушкинского Дома к 50-летию хранилища и находящейся теперь там под шифром ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, оп. 23, № 322¹. Эта рукопись представляет собой конволют, состоящий из двух частей XVIII в., отличающихся друг от друга по формату, написанных на разной бумаге, разными полууставными почерками. Кроме того, вторая часть конволюта имеет самостоятельную пагинацию, что также указывает на ее независимое бытование в течение какого-то времени. Под один переплет эти рукописи скорее всего попали в первой четверти XIX в.: при переплете сборник был довольно грубо отреставрирован (первый раз), причем при реставрации была использована чуть голубоватая бумага², и уже на этой бумаге была сделана запись в 1827 г.³

Эти части объединены были далеко не случайно. Первая часть содержит тропари и общий канон Евфимию и Харитону Сянжемским. Вторую часть рукописи занимает Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского. О Евфимии и Харитоне Сянжемских известно очень мало. Мы знаем, что Евфимий был основателем Сянжемской обители, Харитон – его учеником и преемником. Разного рода справочники⁴ указывают даты их кончины, 1465 г. для Евфимия, 1509 для

---

¹ Исследование и издание памятника см.: *Семячко С. А.* Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского // *Святые подвижники и обители Русского Севера...* С. 299–311.

² В частности, листы первой рукописи конволюта, меньшие по формату, были обклеены по краям до формата второй рукописи.

³ Л. 13 об.: «Священникъ Хрисанфъ поступилъ въ должность къ преподобнымъ 1827-го года въ майѣ мѣсяцѣ».

⁴ *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2: Святой Восток. С. 93; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 758; *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 191–192; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о право-

Харитона¹, взятые скорее всего из месяцесловов (во всяком случае, Сергей ссылается на Кирилло-Белозерские святцы). Никаких агиографических или литургических памятников, посвященных Евфимию и Харитону, исследователям известно не было. В. О. Ключевский вовсе не упоминает этих святых, самый основательный исследователь вологодской агиографии Н. Коноплев пересказывает эпизод из Жития Александра Куштского², а И. Верюжский, поместивший в своих «Исторических сказаниях» красочный рассказ о Евфимии Сянжемском, лишь дополнил Житие Александра Куштского своими фантазиями³. Таким образом, рукопись, находящаяся сейчас в Древлехранилище Пушкинского Дома, значительно обогащает наши представления о вологодской агиографии и литургике, сохранив для нас тропари и канон Евфимию и Харитону Сянжемским и познакомив нас с чрезвычайно интересным агиографическим памятником – Житием Александра Куштского и Евфимия Сянжемского.

Это Житие точно датировано: «Выписано из трудолюбнаго жития преподобнаго отца нашего Александра, иже на Куште рѣцѣ, вологодскаго чудотворца, 1747 году октовриа въ 15 день»⁴. Этому не противоречит и фрагмент похвалы Евфимию Сянжемскому, где говорится: «...проси Божия помощи у Христа Бога, всеблагаго Творца нашего, даровати здравие и долгоденствие благочестивѣйшей самодержавнѣйшей великой государынѣ нашей императрицѣ Елисавети Петровнѣ всеа России, и наслѣднику ея, внуку Петра Перваго, благовѣрному государю и великому князю Петру Феодоровичю, и супругѣ его, благовѣрной государынѣ и великой княгинѣ Екатеринѣ Алексиевнѣ...»⁵.

Однако надо отметить, что этот список был не единственным и не первоначальным. На л. 27 об. при переписке Жития были пропущены 10 слов, которые писец с помощью специального значка вставил на

славных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 325–326.

¹ Этот же год указан и в записи, которая частично сохранилась на внутренней стороне верхней крышки рукописи: «Харитоний преставился въ 1509-мъ году. Евфимий былъ игумень, прест... При монастырѣ было 521...».

² Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4. С. 55.

³ Верюжский О. Исторические сказания о жизни святых Вологодской епархии. М., 1880. С. 359–362.

⁴ Семячко С. А. Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского. С. 305.

⁵ Там же. С. 310–311. – Елизавета Петровна была императрицей с 1741 до 1761 г. (до своей смерти). В 1745 г. Екатерина Алексеевна стала великой княгиней.

нижнем поле. Возникает вопрос, к чему имеют отношение датирующие фразы – к первоначальному тексту или к данному списку? Первая (о создании Жития 15 октября 1747 г.), на мой взгляд, характеризует первоначальный текст. Вторая, поскольку она полностью согласуется с первой, также явно читалась в первоначальном тексте. Но она является датирующей и для данного списка. Таким образом, можно сказать, что этот список Жития был выполнен до 1761 г. (до кончины императрицы Елизаветы). Состав рукописи и владельческие записи, оставленные на ней, указывают на ее происхождение из Сянжемского монастыря.

Житие имеет два заглавия. В одном из них точно указан источник данного текста и обозначен характер работы с источником – «выписано» из Жития Александра Куштского. Зная историю текста Жития Александра Куштского, мы можем смело утверждать, что источником рассматриваемого нами текста послужила Редакция В Жития Александра Куштского¹, так как только в ней есть рассказ о встрече Александра Куштского с Евфимием Сянжемским.

Однако перед нами далеко не просто выписка, предполагающая какую-то выборку из текста источника, его сокращение. В данном случае подчас происходит значительное распространение исходного текста, его драматизация. Достаточно сравнить начала двух житий². Автор Жития Александра Куштского и Евфимия Сянжемского не просто значительно расширяет текст источника, он вставляет в него большой диалог между юношей Алексием, пришедшим в монастырь на Каменный остров, и игуменом Дионисием. Увлечшись этим диалогом, автор не замечает возникшего противоречия: с одной стороны, «игумень же Дионисий... проразумѣ хотящую благодать явитися на немь»³, с другой – отговаривает юношу, пугая его трудностями монашеской жизни. Это противоречие говорит о многом. При переработке происходит не только распространение и драматизация текста, меняется в принципе подход агиографа к своему творению.

---

¹ Текст Редакции В Жития Александра Куштского см.: *Семячко С. А. Житие Александра Куштского. С. 259–278.*

² Сравнение текстов Жития Александра Куштского и Жития Александра Куштского и Евфимия Сянжемского см.: *Семячко С. А. Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского. С. 301.*

³ Там же. С. 301, 305.

В традиционном средневековом житийном тексте единственная мотивировка действия – Божья воля. Так, в Житии Александра Куштского Дионисий «проувѣдѣ, яко хоцеть быти сосудъ Святаго Духа, одѣваетъ его въ монашеский образъ»¹. Автор же Жития Александра и Евфимия делает действие более напряженным, вводит психологические мотивировки, то есть решает, с одной стороны, сугубо художественные, эстетические задачи, с другой – обнаруживает вполне рационалистический подход. И то и другое характеризует создателя Жития как автора Нового времени.

Итак, пожив в непрестанном подвиге в Спасо-Каменном монастыре, Александр в поисках уединения уходит сначала на Сянжему, потом еще дальше – на Кушту, привлеченный слухами о подвижничестве там Евфимия. По некотором времени, дав друг другу благословение, подвижники расстаются: Александр остается на Куште, Евфимий уходит на Сянжему, где копает кельи, ставит церковь Покрова Богоматери и украшает ее.

Весь этот фрагмент – от пострижения Александра в Спасо-Каменном монастыре до построения Евфимием Покровской церкви – почти дословно списан с Жития Александра Куштского создателем Жития Александра и Евфимия, а вот далее тексты этих житий кардинально расходятся.

В Житии Александра Куштского после сообщения о постройке и украшении Покровской церкви говорится: «И поживе преподобный Евфимий лѣта доволна, с миромъ почи о Господѣ»². На этом рассказ о Евфимии Сянжемском заканчивается. В Житии же Александра и Евфимия повествование о Евфимии только начинается. Житие рассказывает нам об организации Сянжемского монастыря, о подвижнической жизни Евфимия, о кознях демонов и о борьбе с ними, причем описание подвига Евфимия и его добродетелей, вполне традиционных и этикетных для агиографических текстов, занимает в рукописи несколько листов. И вслед за этим мы наталкиваемся на уже знакомую нам по Житию Александра Куштского фразу: «И тако поживе преподобный лѣта доволна»³.

---

¹ *Семячко С. А.* 1) Житие Александра Куштского. С. 262; 2) Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского. С. 301.

² *Семячко С. А.* Житие Александра Куштского. С. 263–264.

³ *Семячко С. А.* Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского. С. 309.

Рассказ о кончине Евфимия Сянжемского, выделенный в самостоятельную главу, вполне традиционен: святой, предчувствуя свою кончину, обращается к братии с наставлениями, дает им последнее целование и благословение. Вслед за этим в тексте помещен плач учеников о Евфимии и рассказ о его погребении. И, как полагается такого рода текстам, повествование о Евфимии заканчивается похвалой святому: агиограф обращается к нему с молением о заступничестве, с просьбой даровать здравие и благоденствие императрице, наследнику и его супруге. Как установила Т. Б. Карбасова, та часть Жития Александра Куштского и Евфимия Сянжемского, которая не восходит к Житию Александра Куштского, списана с Жития Кирилла Новоезерского¹.

Совершенно очевидно, что у агиографа было два неравнозначных источника. Из одного – Жития Кирилла Новоезерского – агиограф почерпнул словесный материал для создания основной части преподобнического жития. Другой – Житие Александра Куштского, в котором напрямую говорилось о преп. Евфимии, – стал источником биографических сведений о святом. С такой же ситуацией мы сталкивались и в случае с Житием Иоасафа Каменского и в случае с Житием Александра Куштского. И в том и другом случае источником фактических сведений о святых становилось Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре, а другие преподобнические жития служили образцом, давали модель повествования, помогали создавать повествовательную ткань, наращивать словесную массу.

Вологодские жития, благодаря своим текстуальным связям, образуют текстологическую стемму, напоминающую разветвленное дерево. Образующие ствол этого дерева Житие Димитрия Прилуцкого и Житие Дионисия Глушицкого уже имеют заимствования. И чем дальше отстоят все остальные жития от этих житий «первого поколения», тем меньше у них оригинального текста и тем больше объем заимствований. Причем источником этих заимствований были по преимуществу вологодские жития предшествующих поколений.

Отнесение рассматриваемых житий ко «второму поколению» достаточно условно. Житием собственно второго поколения является лишь Житие Александра Куштского, полностью основанное на Житии

---

¹ Карбасова Т. Б. Об источниках Жития Кирилла Новоезерского // ТОДРЛ. 2007. Т. 58 (в печати).

Дионисия Глушицкого. Житие Александра Куштского и Евфимия Сянжемского по сути уже является житием третьего поколения, будучи основанным на Житии Александра Куштского. Таковым же можно считать и Житие Иоасафа Каменского, получившего заимствования из житий первого поколения через посредство невологодского жития.

Все три жития ранее публиковались, причем по тем же спискам, что и в настоящем издании. Но это не отменяет необходимости новой публикации. Не только потому, что всякое новое издание исправляет, будем надеяться, недочеты предыдущих, но и потому, что это *другое* издание. Для вологодских житий, так тесно связанных друг с другом, такое издание оказывается особенно актуальным, так как сопровождающий его словарь может оказать неоценимую помощь в поиске общих мест и заимствований, в обнаружении скрытых текстуальных связей и установлении родства.

С. А. Семячко